

А. Г.

18+

В ПАСТИ БЕШЕНСТВА

Любви не будет

18+

А Г

В пасти бешенства.

Любви не будет

<https://litres.ru/74320753>

SelfPub; 2026

Аннотация

(Сиквел Рай в в тоем аду.

Для любителей продолжения)

Когда-то ты сломал меня. Одним взглядом. Одним поступком. Одной ночью, после которой мне никогда не стать прежней. Клянусь! Я больше никогда не буду слабой, но я сделаю слабым тебя. Обещаю. Мой единственный план - заставить тебя влюбиться, заставить довериться. Заставить добровольно отдать мне власть. Ты даже не подозреваешь, что наша встреча не была случайностью. Но игра, начавшаяся как месть, превращается во что-то гораздо более опасное. Чувства возвращаются. Боль не исчезает. А между любовью и ненавистью остаётся лишь тонкая грань. Кто в этой игре хозяин, а кто пленник? И можно ли победить, если сердце всё ещё помнит? Тёмная история о власти, страсти и мести, где каждый шаг — это риск потерять себя.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	43

А Г

В пасти бешенства.

Любви не будет

Глава 1

Что, если я скажу вам, что ни черта этот мир не порядочный и не столь благочестивый, каким пытается казаться? Гниющий шар, с переполненными ненавистью мерзавцами. Умирающая в собственных экскрементах планета, набитая ублюдками и отморожками.

О да! Это так!

В этом я лично убедилась, когда стоя в луже чужой мочи, наблюдала за падшими ублюдками, наслаждающимися чужим унижением.

Моим унижением.

Куски разлагающего мяса, не познавшие человечности. Тлеющие выродки, решившие, что владеют всем миром.

- Ударь её!

Хруст собственной челюсти гулко отдалось в перепонках, заставляя стонать от боли.

- Ещё! Я хочу разглядеть в её глазах страх!

Парень по имени Патрик, уселся на корточки, прям пере-

до мной, прежде чем чужая рука, больно впилась в мои волосы, наклоняя голову, и ударив наотмашь.

- Да! Вот так!

Рукой Патрик уже тянулся к своему паху, наминая зудящее место, а мне хотелось плюнуть в него, исторгнуть всю свою ненависть, изливаясь кислотой злости, которая бы расплавила его уродскую ухмылку с лица.

О да! На это, я бы полюбовалась с превеликим удовольствием и наслаждением!

А ещё, я бы полюбовалась на мучение каждого из пяти ублюдков, кто стоял надо мной, и открыто насмехался, продолжая издеваться, и наслаждаться этой низостью. Но больше всего, я бы поглядела на то, как хрустнет шея рыжеволосого, когда моя ненависть падет на него. А это случится, непременно!

Двуличный, лживый скот, меняющий свои маски под стать людям, окружающих его. Его я ненавидела по-особенному! Отец всегда учил меня смотреть страху прямо в глаза, и я смотрела, со всей своей ненавистью глядела в эти пьяные глаза, не веря, что близкие могут так пасть.

Как глубоко можно ошибаться в человеке, убеждая себя, что ты его знаешь, веря в то, что давно знакома со всеми его гранями, а на деле, всё оказывается совершенно не так. Как можно ошибаться в человеке, веря, что заглянула в его бездну, и знаешь где кончается дно, а по факту, дна нет, и это начинаешь понимать, когда он окунает тебя слишком глубоко-

ко в свои поступки.

- Дерзкая, да? Так мы быстро тебя спустим вниз!

Пинок чужого ботинка больно впился в бедро, заставляя прильнуть к холодному кафелю ещё ближе. Боль отражалась во всём теле, будто я сплошной оголенный нерв. Но больно не только физически, больно там глубоко в груди. Ни с чем не сравнимое ощущение, которое я ощущала впервые. Это не страх, нет, это чистый экстракт злости и ненависти, а еще бессилия, от которого хочется быть как зверь в капкане.

- Глаза в пол, паскуда! Иначе выколем! Да, парни? Покажем этой девке, как надо развлекаться?

Один из отморозков, сжал кулак, размахивая им над моей головой, вот только опуститься этому удару не суждено было, поскольку рука, перехватившая его, сдержала гневный порыв.

- Не по лицу! Помнишь?

Нервно вырвав руку из хватки, урод продолжил:

- Да плевать мне на нее! Мы же развлекаемся. Сам предложил! Так?

- Так! Вот только в меру! Без истязаний и увечий.

Сидя на полу, поджав под себя колени, я не верила, что слышу эти слова от того, кого считала близким...кого считала другом... кто был семьей...

Глупая....

Мерзавец, да и только...

Позволил не только всем этим шакалам издеваться надо

мной, но ещё и лично стал инициатором этого.

За что? За что, такая ненависть? Смотрю в его идеальное лицо, и не могу поверить, что этот человек столько для меня значил. А я для него оказалась лишь...лишь...

- Малолетняя сука она. Сам сказал, что пора отучить ее таскаться за тобой!

Очередная хватка на моих волосах, и меня уже тащат по полу, невзирая на мои мольбы и стоны.

- Да она всего лишь отверстие! – очередной голос позади будто дает невидимую пощечину.

Голова больно приложились к унитазу, когда один из парней попытался мокнуть меня туда. Чертов урод. Ненавижу!

Слышу омерзительные смешки со стороны, чувствую, как отвратительные руки шарят по телу, пытаюсь содрать джинсы.

- Нет! Отпусти! Не трогай!

Меня не учили бояться, за ненужностью этих чувств. Но меня всегда учили отбиваться, если то потребуется. Царапая чужие руки, я пытаюсь вырваться, отбиваясь из последних сил. Впиваясь когтями, я оттолкнула парня, чувствуя, как клочок волос остался в мужских пальцах.

- Ах ты тварь!

Отползая в угол, я видела, как двое подбежали на помощь первому, хватая меня за конечности.

Несколько пинков в ребра, а затем меня пригвозждают к полу, будто я чертов Иисус, свисающий с распятия главного

подонка Патрика, который так и навалился сверху как бугай, раздвигая мои ноги.

Его зубы больно вонзились в плечо, причиняя жгучее ощущение в собственной плоти.

Казалось, меня рвут на части, вызывая агонию, вызывая крик.

Слезы прыснули с глаз, заливая лицо страданием, заливая пространство криком. Невыносимо больно... мучительно.

- Вот так! Вопи! Кричи громче, кричи для меня! Для нас!

Он орал мне в лицо, передразнивая, измываясь надо мной, истязая моё нутро, моё тело.

Две пары рук продолжали удерживать меня, пока этот гад издевался, имитируя внедрение, толчки между моих ног.

А после, вдоволь насмеявшись, этот упырь набрал слюну, перебирая своим языком во рту, продолжая свои пытки, удовлетворяя свое наслаждение. Нависая сверху, он открыл свой поганый рот, медленно спуская слюну прямо мне на лицо. И как бы я не отворачивались, не было ни шансу увернуться от этого кошмара.

Из гнусных ртов остальных, вытекала пенная слизь, капая на моё лицо и шею, под звуки гадких голосов. Ублюдки продолжали хохотать, сплевывая всю свою ненависть на меня.

Что я сделала?

В чём провинилась?

Поднимая свой взгляд, я смотрела на единственное знакомое лицо, рассматривая как стоит в стороне попивая ал-

коголь из бутылки и любуясь всей этой омерзительной картиной.

Что я тебе сделала, кроме того, как почитала, боготворила? Я всегда думала, что ты из добрых. Из хороших. Но... я грубо ошиблась.

- Ты заплатишься за это! Тебе не сойдет с рук! Вам всем! Всем!

Продолжая кричать, я пыталась спрятаться в себе. Но даже там я ощущала грязь, которой покрывали меня эти мразы. Нет сейчас ни единого места в моей душе, где бы я смогла скрыться, и не чувствовать всего этого ужаса, и все, что оставалось, кидать никчёмный угрозы, защищаясь тем, кто мог бы защитить меня, кто мог бы одним пальцем переломать хребты этим ублюдком, узнай он об этом...

- Прикрываешься папочкой? Так его тут нет!

Парень по имени Патрик, продолжал издевательски скручивать губы в трубочку, изображая воздушный поцелуй. А когда из рта показался язык, которым он стал лизать воздух, мне и вовсе стало тошно от увиденного.

- А вот я, могу стать твоим папочкой, только попроси, малышка. Слышал твой, ещё тот мучитель женщин! А я буду нежным! Почти!

Изобразив несколько быстрых толчков, будто озабоченная псина, этот урод наконец встал с меня позволяя вдохнуть полной грудью.

Так бы и разбила его испорченную голову о кафель, будь

мои руки свободны. Самооборона – лучший способ избавиться от обидчиков, вот только обидчиков оказалось слишком много, что бы бороться силой.

- Таких как ты, следует топить в детстве, дабы избавлять эту планету от падали, которая способна размножаться лишь заразой и мором – язык мне не враг, но не здесь и не сейчас. Я хотела огрызаться, колоть словами.

Его темные глаза слишком остро полоснул по мне, прежде чем он подлетел вновь, хватая за майку, и разрывая её. Сильная пощёчина откинула мою голову, создавая настоящую встряску в мозгах. Так меня ещё никогда не били. Меня вообще никогда не били.

Голова шла кругом, пока этот мерзавец Патрик, тащил меня на прежнее место, вытирая мною остатки биологической жидкости пяти, таких же мразей, как и он сам. Тыкая лицом как котенка, он продолжал водить меня щекой по их моче, больно впиваясь пальцами в шею и затылок.

- Это я утоплю тебя, сука...Хотя! Есть шанс избежать смерти! Если слижешь!

Он продолжал эту муку, игнорируя все мои слезы и крики. Продолжал вжимать меня в лужу лицом, стараясь мокнуть меня как можно сильнее. Никаких шансов вырваться из слишком крепкой хватки его рук.

А когда он насладился и этим процессом, то стал стягивать мои штаны, срывая напрочь одежду.

- Нет! Нет! Отстань! Не надо....

Как будто мои крики могли остановить этих монстров, которые под влиянием алкоголя, решили развлечься? Тьма сгустилась, когда пятеро парней встали в круг, вгрызаясь своими похотливыми взглядами в моё тело. Они хотели причинить мне боль, хотели этой издёвки, я видела это дикое желание в их блестящих глазах. Патрик же, продолжал срывать с меня остатки майки, под звуки собственного рычания.

Зверь, никак иначе!

- Я все расскажу! Все узнают! Вас казнят...

- Патрик, стой!

Послышался голос, от которого переворачивалось все внутри, будто блендером взбивали органы. Голос, от которого хотелось исторгать получившееся кровавое месиво. Но всё, что я могла, лишь громко всхлипывать, заливаясь собственными слезами.

- Да с чего это?

Патрик обернулся, разглядывая того, кто подошёл слишком близко.

- Тело не трогай! Ее... нельзя повредить!

- А мне плевать!

- Она несовершеннолетняя. Мне не охота за такое встрять. А тебе?

Наконец руки Патрика замерли, оставляя ошмётки моих вещей в покое.

- Кто узнает?

- Наверняка и девственница. Уверен, что хочешь продол-

жить?

Тот, кто все это время наблюдал за всем с дальнего угла, прижался к бутылке, отпивая крепкую жидкость. Едва волоча ноги, он подходил ближе, осматривая меня своим хладнокровным, надменным взглядом. И прежде, чем продолжил говорит, он опрокинул бутылку, выливая тонкой струйкой часть алкоголя прямо мне в лицо.

- Скажи-ка Кира, ты девственница?

Ненависть. Она переполняла меня, прожигала во мне дыру отчаяния и безысходности от того, что я не могла дать сдачи этому заносчивому ублюдку. А мне хотелось. Очень хотелось. Наверно, больше всего на свете, мне хотелось мстить ему. И не потому, что он был главарем, управляющим этой шайкой недоделанных подростков. И не потому, что он затеял эту пьяную вечеринку в особняке своего деда, не забыв попутно втянуть и меня. А потому, что он ранил меня своей ложью, обманом. Задел за самое живое. Ведь когда искренне веришь кому-то, слепо доверяешь его лживому притворству, больнее всего разбиваться об истину сущности показанную здесь и сейчас.

Стоит и улыбается, а у меня непреодолимое желание убить его. Вонзить нож в его глотку и прокрутить до щелчка.

- Открой-ка ей рот, раз она такая неразговорчивая.

Тот самый Патрик, больно сжал мои скули, силой запрокидывая голову, пока тот самый парень-главарь, вливал насильно алкоголь мне в рот. И ничего не оставалось, как нена-

видеть его всей душой, желая ему все адские мучения этого мира!

Я сделаю это! Обязательно сделаю! Верну тебе должок в самом достойном виде! Подлец ..

И не сводя глаз с главаря, я мысленно уже представляла кончину этого уroda!

Захлёбываясь алкоголем, я старалась вырваться, но эти ублюдки насильно вливали обжигающую жидкость, приложив бутылку к моим губам и зажав мне нос.

Столько пар рук гуляют по моему телу, а я и пошевелиться не могу, скованная их силой.

- Глотай! Легче будет! Поверь нам.

Их смех продолжал отражаться в ушах даже когда они переставали смеяться. Голова шла кругом, тело болело, не говоря о том, что происходило в моей душе.

Я плохо помню дальнейшее, частично урывая картинки из воспоминаний, но одно я запомнила точно. Связав мои руки, эти твари ещё долго продолжали издеваться, принуждая к немыслимому. Играли мной словно куклой, нагибали моё тело в принудительном поклоне, вынуждая касаться губами их обуви. Мотали меня во все стороны, опрокидывая в руки друг друга, будто я мячик. Меня щипали, пинали, били.

Но худшее воспоминание, это обжигающая боль на своих ягодицах, когда тот самый главарь, вынул свой ремень, и под громкие крики, стегал меня ремнем, словно я была та самая прокажённая. Трое парней удерживали, не давали вы-

рваться, вынуждая стоять на коленях, а этот урод, продолжал бить ...бить...бить ... Патрик же, не упускал шанса заглядывать мне в лицо, каждый раз, когда я вскрикивала. Чертов садист.

- Что, куколка? Не любишь порку? А я слышал, что это самое излюбленное развлечение твоей чокнутой семейки!

В голосе бьющего меня парня, слышалось ненависть, отращение, как будто я стала причиной его самых страшных бед. Держа в руках ремень, тот самый главарь наносил удары, игнорируя мои слезы.

- Прекрати...больно...больно... вы больные....уроды...

Я выкрикивала слова, но не надеялась достучаться до этих обезумевших парней, поскольку их глаза отражали лишь похоть и наслаждение.

- Боль, это часть удовольствия! Ведь так, парни? Просто ты ещё не поняла этого! Скоро и тебя научат, дождись своей очереди!

Всего за год, этот парень так сильно изменился. Стоило ему отправиться в какую-то там специализированную школу, куда отправляют всех мальчиков после восемнадцати, и обратно он вернулся совершенно другим человеком. Незузнаваемый, чужой. Его будто подменили на новую версию, страшную версию...

- Ты сумасшедший...вы все... Все.... Ответите за это перед геронтами. Я все расскажу...

Завывая от боли, я была больше не в силах терпеть, па-

дая на ледяной кафель. Руки отпустили, как только услышали мои слова, как и ремень больше не разрывал пространство свистом. Эти глупые мальчишки переглядывались, молча обращаясь к самому главному.

Быть может, я бы обрадовалась тому, что мои мучения прекратились, но кажется, я очень сильно ошибалась. Его зелёные глаза потускнели, переливаясь мраком, тьмой. Он смотрел так, будто готов был сорвать с меня кожу живьём. Стало невыносимо страшно от мыслей, которые взрывались в голове, воображая все те мучения, которые могли меня ожидать.

- Ты никому, ничего не скажешь! – Тон слишком спокойный, слишком ледяной.

- Скажу! Ещё как! Тебе придётся убить меня, если думаешь, что я смолчу!

Убийство – нешуточное развлечение, и это понимали даже отморозки, стоящие передо мной. И пусть, я боялась до чертиков, но все же, агрессия брала вверх.

усаживаясь на корточки передо мной, он заполнял пространство страхом. Казалось, передо мной самое жуткое чудовище, которое разорвёт меня на части. Он был сам на себя не похож. Больше нет. Его лицо исказилось, приобрело иные черты, которые никогда не были мне знакомы. Передо мной человек с внешностью отдалённо напоминающую того, кого я знала. В ком так сильно ошиблась.

Наматывая свой ремень на руку, он заглядывал своей без-

дной в мои заплаканные глаза. Становилось невыносимо видеть это лицо, вспоминая всё то доброе, что было когда-то между нами. В один день, в одну секунду всё изменилось, рухнуло как песочный замок, выстроенный детскими руками. Его ботинок разломал всё созданное нами, как только вонзился мне в живот. И стоило мне согнуться, как этот психопат, стал сматывать мои руки за спиной своим же ремнем. Агония продолжалась, вынуждая отключаться от боли и от алкогольного опьянения.

А когда сознание вернулось вновь, я ужаснулась тому, что происходило.... Лучше бы я так и осталась в отключке, в неведении. Лучше бы никогда не чувствовала то, что делал этот парень. Здесь и сейчас, она навсегда пал в моих глаза, не имея больше возможности подняться.

- Почему тебе можно? А нам нет? Мы все хотим поучаствовать. Ты обещал весельем! Всем нам!

- Потому, что это моя игра! Да, куколка? Пришла уже в себя? Правильно! Такое пропускать нельзя!

Отвращение, оно вонзилось острыми клыками в мои губы, просачиваясь в мозг, а оттуда острым штырём вонзилась в позвоночник, растекаясь гадливостью и неприязнью. Что-то гладкое и тёплое, размазывалось по губам, вызывая настоящий приступ тошноты. Тотальное отторжение происходящего...

- Смотри сюда! И слушай! Объясню один раз, и доходчиво. Хватит таскаться за мной как та влюблённая дура. Ты

для меня ничто! Понятно? Исчезни из моей жизни и больше не появлялся в моем доме, на мои глаза! Впредь, я больше не хочу тебя видеть! Никогда! И если ты хоть слова кому-то расскажешь....

Очередная пощёчина, и вновь омерзительное ощущение вторжения в мой рот. Напирая, он пытался проскользнуть туда, куда дорога ему была закрыта. Сжимая крепче челюсть, я не намеревалась сдаваться, хоть и осознавала, что моё положение хуже некуда. Да я даже ответить не могла боясь расцепить губы. Слезы так и стекали ручьем мне на грудь, оропляя тело стекающим стыдом.

- Ты никому и никогда не расскажешь о том, что здесь происходило, иначе....

Щелчок. Я поднимаю затуманенные глаза, рассматривая сквозь пелену слез телефон в его руках. Продолжая таранить мой сомкнутый рот взбухшим отростком, он снимал все на камеру, расплываясь в самой жуткой улыбке, которую мне только довелось видеть на его лице.

Сердце застыло в ужасе, а в груди развивалась настоящая буря, сверкая самыми кровавыми искрами. Чужие пальцы впивались в волосы и голову, удерживая меня, не давая отвернуться, пока этот урод-главарь водил своим гладким пенисом по моему лицу, унижительно постукивая им о мои щеки.

- Если ты хоть кому то расскажешь, я обещаю, эти фото распространяться по твоей школе так быстро, что-ты и

моргнуть не успеешь. Каждый ученик в твоей поганой школе, узнает какая ты шлюха! Так что, продолжай держать свой рот сомкнутым, как ты это делаешь сейчас! Куколка.

Худшая ночь в моей жизни, которую я никогда не смогу стереть из памяти, вычеркнуть из воспоминания или забыть. Это ночь стала той самой, которая в последствии, изменила все.

Глава 2

Лёжа на полу пустой комнаты, я продолжала плакать, обнимая собственные колени. Рассматривая уходящие ноги пяти ублюдков, я наконец дала волю своим эмоциям, изливаясь на темный кафель. Рыдала, пока не провалилась в страшный, кошмарный сон. Некое подобие забвения, долгожданное затишье. Я мечтала чтобы эта ночь кончилась, надеясь остаться невредимой, хотя таковой, меня вряд ли назвать можно будет. Мое тело цело, отделалась лишь синяками. Но унижение, которое подарили мне мои мучители, куда хуже любых физических увечий. О таком невозможно забыть... Но я и не стану.

Мужской бас заставил меня вздрогнуть, ужасаясь собственной участи. Глаза в ужасе распахнулись, рассматривая знакомое лицо сквозь пелену собственного ужаса.

Сколько прошло времени?

Как долго я лежала тут, скрутившись в позе эмбриона?

Сердце колотится в груди слишком быстро, вызывая болезненные разряды в каждой клеточке. Соскакивая с места, я вскрикнула прижимаясь к холодной стене. Глаза в панике бегали, пытаясь уловить движение одного единственного человека, который уже подбегал, выражая ужас на своем морщинистом лице.

- Что... Боже... Что произошло? Кто это сделал? Кира!

Тёплые руки сжимали плечи, а мне хотелось рыдать ещё сильнее, прижимаясь, и ощущая защиту. Наконец я в безопасности, под крылом того, кто бы мог укрыть от ночных ужасов. Вот только, рядом его не было, когда он был так нужен. А сейчас... сейчас мне его помощь больше не нужна.

Но ...

Огромное «Но» скатилось булыжником мне на голову, пробивая черепашку осознанием.

- Дедушка...

Рот отказывался выдавать слова, едва поддаваясь контролю. Грязная, испачканная, осквернённая белыми следами, помеченная этими гадами, я хотела лишь одного – очиститься, спрятаться. Как я могла уснуть, не смыв с себя чужую мочу, харчу и сперму? А теперь мне не отвертеться от допроса... и не просто допроса... Эта будет целая серия унижения меня.

Мужской бас продолжал реветь над ухом, грозно выкрикивая слова, а я уже летела в пропасть с бешеной скоростью, понимая, что разобьют вдребезги. Уже разбилась. Нескончаемая встряска, а я и придумать ничего не могу, рассматривая сквозь слезы его мутные глаза.

- Кто? Кто посмел? Говори! Кто это сделал?

Пальцы уже не держали так бережно, уцепившись болезненно в мои предплечья, продолжая трясти меня как тряпичную куклу. Он настаивал на ответе, и я понимала, что ответа не избежать.

Соврать? Или признаться?

Рискнуть своей репутацией? Или сохранить хотя бы достоинство?

Что делать, когда выхода нет?

Но разве нужен ответ тому, кто и так осознавал произошедшее?

Я могла молчать и дальше. Вот только правда была как на ладони.

Подростки...

Те ещё дьявольские создания, вечная неутомимая сила, движущая туда, куда ветер дует. Неконтролируемые, взбалмошные тела, которым кажется, что весь мир возможно покорит лишь желанием. Сплошное гормональное буйство, прежде чем мозг берёт верх над ощущениями. Подростки способны вытворить немыслимое, способны на бесчеловечное, жестокое на необдуманное и сумасшедшее действие!

Крепко удерживая, дедушка продолжал тащить меня по коридору, взрываясь оглушительным криком на весь особняк.

- Кай! Злодейское ты отродье! КАЙ!!!

- НЕТ... нет...прошу дедушка... нет!!! Это не ... он.

В испуге, я пыталась отрицать очевидное. Мотала головой, утирая жидкие слезы.

- Не он!? А кто тогда?

Разъярённые глаза дедушки рассматривали мою одежду, отражая напряжение в скулах и морщинках. Красное лицо

готово было взорваться от злости, останавливая взгляд на белых засохших пятнах.

- Кто был в этом доме!? Говори! ГОВОРИ!

Застыла как та карамель на ветру, не имея никаких идей, как выдумать хоть что-то. А он и не думал останавливаться, продолжая давить.

- Они...

- Они? - Закатывая глаза, дедушка едва удерживался на ногах - Кай! КАЙ!

Рука впилась в запястье сильнее, продолжая тянуть меня к лестницам.

Я пыталась остановить его, понимая о последствиях, понимая, какой кошмар ждёт впереди. Это меня ужасало больше всего. Расскажи я правду – и это катастрофа. Расскажи я ложь, и это тоже катастрофа!

Прибывая в особняке своего деда, как я это делала каждое лето, я не могла вот так просто выдумать историю о том, что этот «кто-то» непонятно кто. Особняк охранялся, и охрана точно знала кто входил и кто выходил этой ночью.

А, Кай? Стоит ли его замешивать в то, во что он меня вменял? Стоило ли говорить правду о том, что это он затеял эту пьяную вечеринку, обещая веселье, позабыв уточнить, что весело будет лишь им пятерым?

Чем можно было прикрыться в такой ситуации, я не знала... Признать, что все добровольно? Так по моему лицу и одежде не скажешь, как и по заплаканным глазам. А синяки?

Будучи одним из геронтов, Дедушка не мог спустить подобное, особенно если это произошло в его доме. Ни за что не спустит.... Я это точно знала, покрываясь ледяным потом. Становилось дурно от мысли, что он узнает о моем позоре.

Может....стоит признаться и молить, чтобы он не дал огласке произошедшему?

Пусть мы оба считались его внуками, он обязан был разобраться и донести о произошедшем. И тогда мне конец...

Вот же влипла.

И зачем я только приехала сюда, в надежде увидеть вновь того самого мальчика, по которому грезила все эти года? Сидела бы дома, продолжая мечтать о нем... Так, я бы хоть не разочаровалась в ней. А сейчас, остался лишь прах от прошедших чувств.

С самого детства нас привозили в этот дом, давая, как родители это называли, привыкнуть друг к другу, познакомиться, и стать ещё ближе. Да и дедушка всегда настаивал провести время с внуками. Каждый год... и первый такой ужасный.

«Внуки...» - то же мне... слишком громко сказано, да и вряд ли я захочу так называться в дальнейшем, мечтая о том, чтобы ничего меня не связывало с этим мальчишкой!

Пусть мне с самого детства позволили называть этого мужчину дедом за счет родственных связей, все же, близкими родственниками, мы не являлись. Так, через четвертое колено.... Вот тебе и родственнички... готовые показать самую "глубокую" любовь....

Огибая коридор, мы наконец вышли в гостиную, куда уже сбежалась добрая половинка особняка, на крики одуревшего хозяина.

Стыдоба да и только. Готова сгореть от стыда при виде всей этой охраны и прислуги...

- Дедушка, умоляю....

Нет. Увидеть меня в таком виде, он не позволил, взревев всему персоналу разойтись, и подозвав лишь одну, самую пожилую. Ахая и охая, женщина смотрела на меня, прикрывая свой старый рот. Прячась за деда, я пыталась скрыть то, что было и так очевидным. Порванная майка, загаженные штаны, опухшее лицо.

- Разбудить Кая, привести в мой кабинет. Живо! Не согласиться сам, притащить волоком!

Сгребая плед с диванчика, дедушка накинул мне его на плечи, продолжая тащить в свой кабинет. Так куда лучше, хоть скрыть можно весь этот кошмар на моем теле.

Втолкнув меня в комнату, он усадил на кресло, не позволяя и шелохнуться. Сложно послушаться такого строго человека, да и страшно мне до жути. Злой как сам Дьявол из преисподней.

- Хочу умыться!

- Нет!

Взгляд слишком серьёзный, даже испуганный. И мне так страшно, по-прежнему страшно, и стыдно. Слишком гнетущие ощущения впервые одолевали мои внутренности.

Всю мою жизнь меня растили как цветок. Холили и лелеяли, поливали любовью и лаской, и стоило одному мальчишке решить поиграть со мной, как я оказалась вырванной с корнем и растоптанной его жёстким ботинком.

- Но деду...

- Кира! Что произошло? Кто это сделал? Ты должна рассказать!

Его взгляд вонзался словно тысячи игл, причиняя боль, насильно окуная меня в пережитую ночь. Не могла я о таком рассказывать, да и не хотела. Слишком унижительно, слишком противно. Сердце выбивало кадрилью, заставляя сжиматься в комок. Захлебывалась ужасом, осознавая весь позор.

Я не хотела, чтобы о случившемся кто-то знал. Не хотела, чтобы это обсуждали за моей спиной, распуская обо мне самые гнусные сплетни. А ведь так и будет. Правду перекрутят, раздуют из углей настоящий пожар, и я так и останусь той самой, в которую будут тыкать пальцем, и говорить: «Это она, та, которую унизили в туалете», «шлюха... шлюха»*

- Я не могу... , дедушка, прошу, не надо! Они меня не трогали!

- Они??? ОНИ? СКОЛЬКО? КТО? ИМЕНА!

- Нет, ты не так понял. Это все шутка.

- Какая шутка? КАКАЯ ШУТКА? Кира! Тебе не удастся утаить. Не ты, так он пусть говори. Не уж то, в собственном доме, под носом у хозяина, произошли зверства, а он и не

заметил? Не поверю! Где он был? Куда смотрел? Не поверю!

- Это не он... не он... не он.

И вновь я заливаюсь слезами, пряча лицо в ладони, а следом и голову в плед.

Под носом у хозяина... как же...да этот хозяин сам и затеял эту заварушку. Воспоминания о том, что он делал, вызвали очередной приступ истерики.

Дверь отворилась, а у меня поджилки затряслись, понимая, что мой приговор сегодня превратится в действия.

Школа...фотографии... слухи....

Пряча лицо в плед, я притихла, поддаваясь сковывающему ужасу, который происходил здесь и сейчас.

- Какого черта произошло в моем дома? А? Говори!

- А что произошло, я не понимаю?

Хриплый голос оповещал о том, что его хозяин ещё не до конца успел очнуться после слишком бурной ночи, продолжая демонстративно зевать сквозь слова.

- Я тебе покажу, маленький ты демон!

Началась возня, от которой становилось лишь страшней. Хриплый голос шипел, и видимо от боли, когда дедушка, подтолкнул его ко мне ближе.Вновь ощущаю его присутствие слишком близко, от чего меня мутит.

- Кира!

Дедушка попытался стянуть плед, но я намертво в него вцепилась, намереваясь и дальше в нем прятаться. Вот только, руки дедушки оказались сильнее, стягивая плед, остав-

ляя меня вновь беззащитной.

- Вот! Взгляни! Посмотри! Что произошло? Кто это сделал?

Момент, когда все моё нутро плавится в лаве ненависти. Меня как будто выжигают изнутри. Так больно. Так невыносимо больно столкнуться вновь с глазами, которые как и ночью, продолжают смотреть с некой высокомерностью, с омерзением, с насмешкой. Смотрит так презрительно, с высоты своего роста. Ухмыляется. А я как букашка вжалась в кресло, мечтая исчезнуть, сгинуть. Ногти так и вонзаются в кожаную обивку, представляя на ее месте его лицо.

- Упс – его губы шевельнулись, едва уловимо выдавая улыбку.

Вот только дедушке было не до веселья. Хватая Кая за ухо, он натянул его выворачивая ушную раковину.

- Я казню тебя за это, грязный ты ублюдок. Что ты натворил? Что?

- Ай... ничего... Это не я!

- А кто? Кто посмел? А? Говори, пока даю такую возможность. Я и так узнаю! И тогда, мерзкий ты мальчишка, хуже будет только тебе! Что ты сделал? А?

Пытаясь вырваться, он морщился в гримасе боли, шипя от боли. Красное ухо, уже превращалось в бордовое, но дедушка и не думал останавливаться.

- Ты хоть понимаешь, что ты наделал, малолетний ты идиот? Тебя разве отец не учил, что трогать маленьких девочек

нельзя? Или тебе мозги отбили в школе послушания? А? По твоему, ты где? В зверинце?

Наконец ухо парня было на свободе, вот только дедушка уже зажёг на его лице красную отметину. Пощёчина оказалась мощной. Даже очень.

Шокированно я наблюдала за происходящей картиной, боясь упустить любую деталь. Буквально упивалась происходящим. Видеть как мужчина бьет другого... того, кто меня обидел. Что то в этом было.

- Я не трогал ее, не касался.

Поднимая обе руки в попытке защититься, парнишка отступал назад, но дедушка был слишком напорист, хватая того за шиворот майки.

- А что ты сделал? А? Взгляни на её лицо! Смотри, я сказал — грубо подводя его ко мне, он ткнул его лицом в мою сторону, заставляя меня сжиматься ещё сильнее.

Несмотря на удовлетворение, я все равно продолжала бояться того, что скажет этот придурок. Хоть бы смолчал....

- Кто это сделал? Кто? Скажешь, она сама приложилась несколько раз о плитку? Кто нанес ей эти ссадины? А? А одежда? Сама на себе разорвала? Кай! А вонь? От нее несёт мочой, и бог знает чем ещё! Это, она тоже сама сделала?

Очередная пощёчина легла на вторую щеку, окрашивая лицо парня в цвет его огненных волос.

С ужасом я смотрела, как дедушка бил его. И ужас был не от того, что я переживала за физическое состояние Кая, нет.

Ужас заключался в том, что мне нравилось видеть то, что я видела! По мужски, дедушка защищал мою честь и достоинство, и я не могла отвести от этого взгляд, осознавая, что мне нравится любоваться этим, воображать, что это я наношу все эти удары, разряжаясь здесь и сейчас мстью. Хотелось вцепиться ему в лицо, разодрать в клочья идеальную кожу, сделать ее безобразной, в шрамах и рывинах. А эти глаза, я мечтала вонзить туда пальцы, чувствуя как подушечки впиваются в теплую мягкость, лопают эти кругляшки как зерна. Хотела видеть свои руки в крови. Его крови, которая стекала с лопнувшей губы.

- Она! Неприкосновенная! Избалованный ты дикарь! Неприкосновенная!!! Что в этом было непонятного? Скажи, может ты недоразвитый? Или сумасшедший? Что из этого тебе подходит? А? Что ты с ней сделал?! Говори! Ты изнасиловал ее?

- Нет! - Взревел Кай – Нет, клянусь тебе.

- Нет! – Соскочила с кресла и я, пытаюсь защитить хоть последние капли собственного достоинства.

- Я же говорю, я ее не тронул. Не тронул в том плане... Скажи ему! - Яркие глаза Кая искали во мне поддержки, вот только не могла я этого сделать, да и не хотела.

Дедушка перебил, сжав сильно его челюсть своими твердыми пальцами, наклоняя лицо Кая к себе.

- А в каком плане трогал? Говори уже, иначе, моё терпение лопнет. ГОВОРИ, Я СКАЗАЛ!

Дед был куда выше Кая, и куда сильнее, несмотря на возраст. Этот мужчина по-прежнему обладал и силой и властью, против которой сложно было устоять. Он умел не только подавлять, но и уничтожать морально, одним лишь голосом. Я видела в глазах Кая страх, видела сомнения, видела этот блеск ужаса.

- Я... мы лишь пошутили. Совсем немного. Не заметили, как увлеклись... мне жаль... - очередной удар о стенку, и дед уже придавал его как таракана, намереваясь раздавить.

- Поиграл? Она не одна из твоих раб... кукол, с которыми ты можешь играть! Она не одна из девок, шпана ты недоделанная! Ты что, уличный шакал, который не может различить падаль от мяса? Или вступил в стаю озверевших подростков, думая что вы взрослые сволочи, и вам все можно? Она... ты хоть осознаешь весь масштаб сделанного? Мало-летний ты псих! Ты хоть понимаешь, что это не сойдет тебе с рук. Боже... что ты натворил...

Он наконец отпустила его. Отпустил, отходя в сторону. В глазах читалась растерянность обречённость. Хватаясь за голову, дедушка так и расхаживал по кабинету нервируя теперь нас обоих.

Поглядывая на Кая, на то, как потирает шею, уши, челюсть, я осознавала в полной мере все сказанное дедушкой, да и он начал тоже это понимать, поскольку взгляд испугано скользил по мне, осматривая с ног до головы.

- Как ты мог? Как мог покуситься, даже мысль допустить,

не то, чтобы сделать? Совет, он будет в ужасе от произошедшего. За такое карают, Идиот! А ее отец... Он же убьет тебя! Сдерёт шкуру живьём, даже не дав тебе оправдаться. Тебя даже твой отец не сможет защитить, не то, что я... Тупица, остолоп! Ты подставил не только себя, но и нас всех! Семейю! Что ты натворил??

Дедушка вновь ревел словно раненый зверь, готовый разорвать в клочья Кая. Да и меня заодно. Его глаза так и осматривали нас с некой злостью. А его слова... Не уж то, беспокойство не за мою честь?

- Дед...этого можно избежать. Ничего не произошло... так? Кира! Скажи ему!

Трусливое создание. Я смотрела на него, и не верила, что этот гадёныш может быть таким хладнокровным, двуличным. Ночью, в компании своих друзей, он пытался быть таким крутым, сильным, непобедимым, а сейчас, это жалкое подобие самого себя. Пытается сманить деда на свою сторону? Выйти сухим из воды! Мурашки побежали по коже, при воспоминании о том, что делал это урод.

- Щенок, если твой отец не научил тебя, как следует себя вести с приличными девушками, то это сделаю я! Научу, как нужно защищать тех, кто вхож в твою семью! Мелкий ты засранец!

Вновь хватая его, дедушка силком толкнул Кая, ударяя того в стену. Взмах, и он вlepил ему очередную оплеуху.

- Что ты знаешь? Как опозорить семью? Ты мне все рас-

скажешь! Или я буду бить тебя, пока не выбью всю правду. А продолжишь молчать, так я высеку тебя плетью публично! Садист ты недоделанный!

Я смотрела. Смотрела и наслаждалась этой болью. Блаженствуя каждым всхлипом и выкриком этого мальчишки. А когда Кай согласился рассказать, и дед перестал его бить, стало даже как-то жаль, что шоу так рано закончилось. Но разочарование быстро сменилось ужасом, когда этот поганец, стал рассказывать то, что вытворяли его дружки, аккуратно прикрывая свою задницу. Самые пикантные моменты, конечно же, он обошел, но и сказанного было достаточно.

Кай рассказывал неправду. А еще, он утаивал например, то самое омерзительное действие, которое он делал с моими губами, или же фото, которое продолжало таиться в его телефоне.

Ситуация закручивалась слишком губительно для меня, и несмотря на то, что история будет дана огласки, все же, фото на его телефоне, может потопить меня окончательно.

Стоило ли мне говорить о таком позоре позволяя бабушке и отцу увидеть эти кошмарные фото, или же, умолчать, и тогда, это фото точно увидят все! Кай не из тех, кто раскидывается словами на ветер. Он обязательно захочет мстить!

- Кира! Он говорит правду? Поддержишь его лож? Решили, что я дурак? Очередной удар ложится на затылок Кая, вынуждая того сгорбиться. Поганый мальчишка. Смотрю на него и не верю, что он мог так поступить. Не верю что уже

так поступил со мной. Если тонуть, так идти на дно вместе!

- Он бил меня ремнём. Издевался. Смотрел, как издеваются его дружки. Они плевали и.... - слова застревали в горле, но я должна была рассказать - Еще, он снимал.

- Что?

- Снимал на камеру. И обещал распространить эти фотографии в школе.

Выдала как на духу, осознавая, что это правильное решение.

Как в замедленной съёмке, я видела как дедушка зверел, впадал в буйство словно дикий зверь. Его ноздри втягивали кислород, словно тот густая субстанция, не поддающаяся всасыванию. Я видела, как морщинистые руки впиваются в бляху собственного ремня, доставая толстый кожаный лоскут из штанов, наматывая его на руку.

Ошеломлённый мальчишка, и никак по-другому его назвать нельзя было, пытался, пока не прислонился к стене, цепляясь за нее как за спасение. Но это его не спасло от гнева наступающего на него зверя

Хватая Кая за шиворот, он нанес ему первый удар, попадая на ноги. Даже сквозь одежду, наверняка этот удар ощущался весьма болезненно, поскольку Кай взвизгнул как та девчонка, вызывая во мне лишь омерзение.

Второй удар пришелся по спине, опадая глухим звуком на тело. Третий же, лег прямо на грудь, заставляя парня пасть на пол и сжиматься в страхе от ударов, которые сыпались

градом на его тело.

- Я научу тебя уму разуму, мерзкий ты мальчишка.... Покажу....как...стоит....вести...себя.... С.... Леди....

Он бил его, бил ремнем, жёсткой, беспощадно, пока тот не стал кричать.

- Правильно, юнец! Проси прощение! Умоляй ее простить тебя, и быть может, тогда, избежишь кары от ее отца...

- Больно...прошу, прекрати!

- Больно? Это цветочки в сравнении с тем, что сделает с тобой ее отец, когда узнает. Чертов идиот! Он убьет тебя! Хотя нет, он сперва выпотрошит тебя, и меня вместе с тобой! Кусок идиота!

Что-то щёлкнуло. Так ощутимо, что с первых секунд ощущаешь это. Я смотрела на то, как этот парень, который пару часов назад издевался надо мной, плевал, унижал, и делал непостижимые вещи, стоял на коленях передо мной. Униженный собственным дедом, разбитый, и одновременно переполненный гневом. Нет, не к деду, хоть в эти секунды и его он тоже ненавидел. Этот мальчишка смотрел на меня снизу вверх, выражая все свое омерзение ко мне, все свое пренебрежение, будто я ничто, пыль валяющаяся под его ногами. Будто это я сижу у его ног в покорной позе, а не он сидит у моих. Он смотрел на меня сквозь красные глаза, сжимая свои кулаки, и даже униженный собственным дедом, он демонстрировал покорность ему, но никак не сожалел о содеянном. Ни капли сожаления не было ни в его словах, ни в

его омерзительных глазах.

- Прости.

Звучит как плевок. Если бы он мог, он бы точно это сделал.

- По твоему, так просят прощения, гадёныш? Да я лично казню тебя за то, что ты натворил! Идиот! Как ты мог? Ты не оставил мне выбора! Мой родной внук.... Позор семьи... Твой отец будет в ужасе! Ты опозорил нас всех!

Властный и жесткий дедушка, будто бы таял на глазах, поддаваясь чувствам. Отбросив ремень, он рухнул в кресло, сжимая собственную голову в ладонях и скрывая влажные глаза. Решительный, железный человек рассыпался, вызывая непонимание. Холодок так и прогуливался по позвоночнику, давая понять об опасности.

Стал бы столь влиятельный человек, так реагировать на собственные слова?

- О чем ты? - Не вставая с колен, Кай обернулся к нему, рассматривая поникшего дедушку - ты ведь не сделаешь этого?

Казнь. Боюсь этого придурка и его дружков, она могла ожидать, и не самая приятная. Быть может, он и рассчитывал на то, что прикроется дедом и ему сойдет все с рук, вот только избежать суда прикрывшись дедом не получится.

- Я? Пусть даже буду против, что мало вероятно, но остальные!? Кто тебя поддержит в содеянном? Она одна из нас, глупец! Ее нельзя трогать! Ее отец... ее дед один из Ге-

ронтов... Как ты думаешь, какое решение он попросит, узнай что ты и твои недоразвитые приятели сделали?

Серые глаза уставились на меня. вызывая очередной приступ ужаса. Отец? Дед? Он и в правду собирается поведать им? Раздуть из этого целую историю? Унизить меня ещё сильнее? И пусть, Каю достанется, и сполна, вот только, что будет со мной? Подобного позора я не хотела, хватило и того, чтобы ночью.

- Ты ведь не допустишь? - Глаза Кая наконец выражали ужас - ты ведь не позволишь? Он осознал! впервые за это утро осознал, что попал по-крупному. Кай не смотрел на меня, но я видела его лицо, отражающее страх. Этот гад не пожалел о сделанном, лишь о том, что попался. Боится за свою шкуру, и понимает, что ее могу содрать.

- Позор семьи! Ты все испортил, кретин! Разве тебя растили как насильника? Бестолочь! Разве твой отец, или я, учили тебя такому? Пустоголовый мальчишка! Она же семья!

- Я не насильник!

- Ещё какой!

- Неправда! Я ее не тронул! Я не такой!

- А какой? Безмозглый? Как назвать то, что ты, и твои дружки сотворили? Актом доброй воли? - уставшие глаза дедушки смотрели на меня с неким сожалением, от чего захотелось отвернуться, лишь бы не видеть эту жалость к себе - Чем она заслужила такое? Не уж то, ты вырос ничтожеством, который обижает женщин?

- Дед!

- Ты не мужчина! Жалкий мальчишка... Как я мог упустить, не увидеть в тебе эту слабость. Искоренить! Ты опозорил меня! Своего Отца! Ты опозорил себя, Кай! И мне придется...

Договорить я не дала, хоть мне и очень хотелось услышать приговор дедушки. Чаша весов перевесила, и Каю повезло, что перевес в его пользу.

- Мы им не скажем.

Зеленые глаза Кая полоснули по мне, стоило этому мальчишке обернуться, и вновь уставиться. Вслед за ним и дедушка стал сверлить меня взглядом, хмурия свои серые брови.

-Что? Как это не скажем?

Эта сила притяжения, когда не можешь оторвать глаз от того, кто тебе нравится, красивая картинка. Вот только стоит взглянуть под другим углом, и уже видишь, как это красивое, превратилось в гнилое, хоть это еще не отразилось на его внешности. Не сводит своего взгляда, а я и подавно не собираюсь сдаваться, возвышаясь над ним. Вставая на ноги, я продолжала смотреть на него сверху вниз, понимая, что держу этого козла за яйца. Одно мое слово и его жизнь может резко развернуться на 360 градусов.

- Мы не расскажем его отцу, моему отцу, и моему дедушке. Мы не расскажем никому. Оставим это в тайне. Умолчим. Все!

Решение пришло настолько мгновенно, что я и осознать не успела. Картинки бежали слишком ярко перед глазами, и не самые приятные. Суд? Приговор? Казнь? Возможно, мне бы хотелось этой кары. Вот только, не бывать одного без другого... Стыд... Позор... Сплетни... Такой славы мне хочется меньше всего, а значит, единственный и самый верный выбор - смолчать.

- Но Кира!

- Мне не нужен этот позор. Хватит и того, что он сделал. Я готова пойти на это. Но...

- Но?

Как же много этих "Но". Кай поведал лишь половину из того, что творил со своими друзьями. А вторая часть, и самая ужасная, отпечаталась в памяти, и в телефоне этого ничтожества.

- Пусть он попросит!

О да! Я хотела этого, поскольку все его лицо выражало лишь омерзение. Этому идиоту с трудом удавалось стоять на коленях передо мной, не то, чтобы просить прощение. Я хотела этого унижения, хотела видеть как ломаются его преграды, как рушиться эго, как перешагивает собственное достоинство, ведь по его мнению я не достойна даже его взгляда. И все же...

- Кира, они все попросят! Я заставлю!

- Нет! Мне не нужны их извинения. Лишь его. Пусть умоляет его простить. И если он это сделает... Как следует! - Не

сводя глаз с Кая, я наслаждалась своим моментом, наслаждалась его злостью в зелёных глазах, и его бессилием против меня - Я хочу, чтобы он лично умолял меня об этом. Мы говорили о нем, словно его и вовсе нет в этой комнате. Унизительно? Очень! Пришло мое время рулить происходящим. Пришло мое время унижить его, видя как и так сидит у моих ног. *Ты жалок! Ты даже не достоин моего взгляда! Ты никто! Слабее, чем я думала! Ты всего лишь... Игрушка у моих ног.*

- Проси!

Завопил дедушка, но Кай продолжал молча смотреть лишь на меня, а я на него, невидимо сражаясь друг с другом. Я видела всю его ненависть к себе, и сама ненавидела его в ответ. Ненавидела так же сильно, как и почитала до этого. С самого детства он был рядом. Сколько себя помню, в моих воспоминаниях был всегда Кай. Каждое лето нас привозили родители к дедушке. Нескончаемые семейные вечера. Всегда и везде был он. Не мудрено, что наша связь крепла с каждым годом. Сперва детские игры, затем дружба, а под конец и любовь, пусть и детская, непосредственная. Я влюбилась в него, как только мне исполнилось одиннадцать. Всегда восхищалась им, любовалась. С нетерпением ждала наши встречи, чтобы как можно дольше провести с ним время. Но время нещадно было ко мне, поскольку чем быстрее оно проходило, тем сильнее Кай отталкивал меня. Сперва он это делал почти незаметно, аккуратно, а спустя год или два, стал

открыто насмехаться, колоть меня. И вот, по итогу, есть то, что есть. Я со своими ненужными чувствами, и он, со своей ненавистью.

- Проси, я сказал! И как следует! Иначе, не избежать тебе кары!

И он попросил. Скрипя своими белоснежными зубами, щёлкая суставами на руке, он просил, умолял. А я наслаждалась этим унижением, этой маленькой победой над злодеем. Приятно быть на высоте, и с высоты смотреть на то, как ничтожество стоит у твоих ног, и унижается, пусть даже не искренне, пусть не по-настоящему, но все же.

- И ещё! Фотографии. Дедушка! Я не хочу чтобы ты смотрел.....

- Фотографии? Какие фотографии!

- Те, что он сделал! Пусть удалит! Сотрёт!

Серые глаза колко уставились на Кая. Вставая с кресла дедушка кивнул мне, протягивая руку к Каю.

- Сюда давай!

Подскочив со своего места, я боялась того, что дедушка не сдержит слова, заглянет, подчиняясь собственному интересу.

- Ты успел переслать хоть кому-то? Говори правду, бестолочь. От этого зависит твоя участь!

- Нет.

Голос Кая слишком ледяной, пугающий. Вставая с колен, он поправил свои лохматые рыжие волосы, кидая в меня

омерзительный взгляд. Так бы и выколола эти глаза.

- Телефон! С этого дня ты лишаешься его, пока пребываешь в моем доме. И не вздумай обмануть меня, от этого будет зависеть все последующее, что я собираюсь сделать. Не так и легко прикрыть твою задницу! Изверг!- Но!- Скажи спасибо, идиот, что она согласна простить тебе твою гадость, иначе, не снести тебе головы. Не будь ты моим внуком...

Дедушка не договорил, но кажется, мы оба догадывались, что скрывалось за этими словами.

- Отдай ей телефон.

Стоя напротив друг друга, мы поравнялись лицами. И пусть этот мальчишка был на голову выше меня, все же, я его не боялась. Отец всегда учил не бояться, смотреть страху в лицо. *«Страх перестаёт быть чудовищем, когда ты осмеливаешься встретиться с ним лицом к лицу.»* Протягивая телефон, он отвернулся первым, пряча на дне глаз очередную дозу ненависти. Пусть ненавидит, поскольку я тоже ненавижу! Вчера, этот мальчишка для меня умер, исчез. Вместо него я познакомилась с настоящим монстром, который недостоин моих чувств. Хватая телефон, я нажала кнопку блокировки, ощущая как гуляет страх в животе. С каждым новым открытым файлом, становилось невыносимо... Вчера, эти парни не просто поиздевались надо мной. Они испоганили мою душу, осквернили меня позором, отравили унижением, оставили неизгладимое впечатление о мужском отношении к девушке. Разве, после такого можно остаться

прежней? Можно остаться милой, невинной девочкой? Вряд ли. Эти твари, вчера не только унизили меня, они взрастили во мне нечто темное, неведомое мне раньше. Они разбудили жестокую часть меня, открыли ей проход в мой разум, и теперь, невозможно будет загнать этот мрак обратно. Слезы жгли глаза, хоть я и не хотела плакать. Глаза смотрят, запоминают каждую деталь. Лица..Глаза...Улыбки...Не мужчины! Пять ничтожеств, наслаждающиеся чужим страданием. С каким удовольствием они смотрели на мое унижение. В каждом взгляде похоть, какой-то извращенский восторг, радость. Испорченные создания...Ненавижу! Щёлкая пальцами, я уже входила в меню, нажимая "Сброс до заводских настроек", рассматривая, как с телефона удаляются абсолютно все данные. Безвозвратно! Вот бы и моя память умела так очищаться....Злость накатывала волнами, и так сильно, что я не смогла сдержаться, бросая телефон к ногам и со всей силы вдавливая в экран ботинком. Тонкая паутинка распустилась во все стороны, уничтожая предмет, который так же был мне ненавистен. Я никогда тебе этого не прощу, Кай! И никогда не забуду то, что ты сделал со мной. А ещё, я обещаю сполна вернуть тебе должок. Обязательно верну! Мой дорогой друг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.